

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

*С.Г. КИРДИНА***Междисциплинарные исследования
в экономике и социологии:
проблемы методологии***

В статье рассматривается роль базовых эпистемологических предпосылок – методологического индивидуализма и холизма – для организации междисциплинарных исследований в экономике и социологии. Анализируются их особенности, определяющие различие получаемых фундаментальных результатов, содержание “синтетических” методологий в теоретической экономике и социологии. Обсуждаются перспективы комплементарности методологического индивидуализма и холизма при проведении междисциплинарных исследований в общественных науках.

Ключевые слова: индивидуализм, холизм, методология экономических исследований, методология социологических исследований, междисциплинарность.

The basic epistemological preconditions such as methodological individualism and holism and their role for interdisciplinary research are examined in the paper. The features of each methodological principle are defined. The proposed “synthetic” methodologies in economics and sociology directed to the removal of restrictions of each principle are discussed. Finally, the prospects of complementarity of methodological individualism and holism are analyzed as promising method for interdisciplinary research in economics and sociology.

Keywords: individualism, holism, methodology of economic research, methodology of sociological research, interdisciplinary research.

**Роль методологических предпосылок в проведении
междисциплинарных исследований**

Развитие междисциплинарных исследований (в данном случае речь идет преимущественно об экономике и социологии), провоцируемое возрастающей сложностью современных обществ и увеличением совместных проектов представителей смежных наук, актуализирует методологическую работу. Дело в том, что прямое сопоставление и “суммирование” указанных дисциплин, которое может способствовать решению

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-140237).

Кирдина Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Центра эволюционной экономики Института экономики РАН, профессор кафедры системного анализа Финансового университета при Правительстве РФ.

некоторых прикладных задач, при генерации фундаментального знания оказывается недостаточным. Процедуры “механического соединения” полученных разными науками результатов часто ведут не к углублению познания целостного феномена и основных его законов, а к накоплению фрагментарных и эклектичных описаний существенных и несущественных свойств, отношений и связей и, почти неизбежно, способствуют теоретическому редукционизму.

Поэтому, с одной стороны, мы видим интенсивный процесс формирования новых “стыковых” наук, специальных дисциплин, реализующих в самом своем предмете необходимые “морфологизированные” мосты для междисциплинарного синтеза [Абульханова, Александров, Брушлинский, 1996]. Среди них “экономическая социология” [Parsons, Smelser, 1956; Заславская, Рывкина, 1991; Радаев, 1997], “социоэкономика” [Etzioni, 1998; Шабанова, 2012] и др. С другой стороны, все активнее звучат голоса о “размывании традиционных границ” между общественными дисциплинами, поскольку они имеют общие объект исследования и эмпирическую базу, а также единый аналитический аппарат. Поэтому, как предполагается, “созданы условия для формирования общего социального анализа как науки о функционировании и развитии общественных институтов и о поведении человеческих коллективов в рамках этих институтов” [Полтерович, 2011, с. 101]. Аналогичный подход предлагается сторонниками “социального либерализма”. Так, А. Рубинштейн подчеркивает, что “социальный либерализм” представляет собой парадигму, выходящую за пределы экономической методологии и опирающуюся на “использование более широких предпосылок, применяемых в ряде научных дисциплин... в институциональной теории, социологии, философии и т.п.” [Рубинштейн, 2012, с. 16].

В отличие от указанных направлений, я хочу проанализировать методологические проблемы “классических” междисциплинарных исследований, в ходе которых “взаимодействуют представители разных дисциплин, изучая различные аспекты одного и того же объекта” [Новая... 2001, т. II, с. 518]. В этом случае перед участниками стоит задача преодоления кантовского противоречия между строением общей социальной (в данном случае) реальности и науками, оперирующими каждая своими базовыми допущениями, гипотезами и схемами интерпретации сведений об этой изучаемой реальности. Успешное решение указанной проблемы при проведении междисциплинарных исследований¹ предполагает такое описание изучаемого предмета, такое отражение в нем объекта исследования, чтобы его можно было изучать средствами всех участвующих дисциплин, а полученные результаты могли бы уточнять и совершенствовать исходное описание.

Накопленный практический опыт реализации крупных междисциплинарных проектов показал, что ключевую роль в них играет методологическое обеспечение, создание обобщенной предметной схемы, функционально аналогичной предметным конструкциям участвующих дисциплин. Выявление и формулировка предпосылок, на основе которых происходит выбор направления научного поиска и в духе которых интерпретируются затем полученные результаты, имеют при этом главное значение.

Однако сложность экспликации исходных методологических предпосылок, требующая продвинутой научной рефлексии и одновременно глубоких теоретических знаний (то есть способности оперировать широким набором теорий разной степени общности в отношении изучаемого предмета), приводит к тому, что необходимая методологическая работа при проведении междисциплинарных исследований зачастую не проводится. В этом случае происходит произвольное смешение практик и предпосылок вовлеченных в такое исследование дисциплин. Зачастую одна из дисциплин,

¹ Междисциплинарные исследования следует отличать от работ, проводимых на основе *мультидисциплинарного подхода*: он основан на предпосылках обобщенной картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве частей. При этом каждая из дисциплин сохраняет свою методологию и исходные предпосылки без изменения [Augsburg, 2005, p. 56] (см. также [Александров, Кирдина, 2012]).

“поставляющая” образец методологии, предстает как ведущая, в то время как другие – ведомыми. Известный пример – “экономический империализм” с его экспансией экономической теории (прежде всего неоклассики) и характерных для нее моделей и методов на смежные области обществензнания. Это привело к формированию новых направлений (от теории общественного выбора до теории человеческого капитала), по сути экономических, где игнорировались подходы других социальных наук, традиционно занимавшихся изучением тех же процессов.

Если же исходить из посылки о проведении междисциплинарного исследования с использованием богатства моделей и подходов каждой из участвующих в нем наук, то задача еще более сложна. В этом случае согласованное направление научного поиска и совместная интерпретация результатов становятся возможными при опоре на близкие теоретические допущения и методологические предпосылки. Далее я рассмотрю наиболее фундаментальные из них, определяющие специфику исследовательских подходов у экономистов и социологов – принципы методологического индивидуализма² и холизма с целью:

- понять, насколько справедливо рассмотрение методологического индивидуализма и холизма как альтернативных подходов в экономике и социологии;
- проанализировать содержание предлагаемых “синтетических” методологий, авторы которых ставят своей целью снятие свойственных каждому принципу ограничений;
- обсудить перспективы комплиментарности методологического индивидуализма и холизма при проведении междисциплинарных исследований в общественных науках.

Индивидуализм и холизм в экономической теории

Опора на принцип методологического индивидуализма характеризует не все, но весьма многочисленные исследования, проводимые экономистами³. Хотя ученые скептически относятся к тому, чтобы достичь окончательной договоренности по поводу его содержания (см., например, [Udehn, 2001]), необходимо ввести хотя бы рабочее определение. Обобщая многие подходы, можно заметить, что методологический индивидуализм “предполагает **объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения**”. Именно это, по определению С. Люкеса (схожие определения встречаем мы и у других авторов), составляет содержание принципа методологического индивидуализма (цит. по [Ходжсон, 2003, р. 98]). Хотя индивидуализм не представляет собой “апологию эгоизма”, тем не менее, согласно данному принципу, все экономические феномены анализируются “через призму” индивидуальных действий экономических субъектов.

Экономический субъект – таковым может полагаться как индивид, так и фирма и даже государство – служит отправной точкой теоретического анализа [Шаститко, 2002, с. 36]. Он ориентирован на получение преимуществ (неоинституционалисты включают в них и социальные нормы/правила) в ходе конкуренции в условиях существования определенных издержек (неоинституционалисты включают в них также издержки согласования). При этом разные исследователи вменяют экономическому субъекту те или иные особенности, объясняющие его поведение на рынке – от стремления к удовольствию в концепции *pleasure machine* Ф. Эджуорта (Edgeworth, 1881) до

² Социологическая и экономическая теории, имеющие общие исторические корни, часто имеют дело с аналогичными методологическими проблемами, и принцип методологического индивидуализма иллюстрирует это наиболее отчетливо. Так, экономист Й. Шумпетер, ученик социолога М. Вебера, обозначил в экономической теории подход своего учителя, назвав его в 1908 г. “методологическим индивидуализмом” [Тамбовцев, 2008, с. 132] (см. также [Udehn, 2001, р. 214]). Именно социологу Веберу принадлежит приоритет в теоретической разработке этого принципа, на него ссылался Шумпетер в своих работах.

³ Сравнительный анализ использования принципа методологического индивидуализма в разных школах экономической мысли и в основных исследовательских парадигмах см. [Кирдина, 2013^a].

наличия денежных иллюзий (Дж.М. Кейнс) или макрорациональных ожиданий в моделях Р. Лукаса, Т. Сарджента и Н. Уоллеса (см. об этом [Худокормов, 2009, с. 182]).

В неоклассике принцип методологического индивидуализма служит основой анализа экономических процессов не только на микро-, но и на макроуровне. В 1970-е гг. Э. Фелпс, а также Д. Акерлоф призвали “ввести индивидов в экономические макромоделли”, полагая, что и макроэкономика должна быть основана на “поведенческих соображениях”. Тем самым предполагается, что социальные события не только на микро-, но и на макроуровне, такие как инфляция, безработица, организационные изменения, эволюция культурных норм и др., могут быть объяснены в терминах индивидуальных действий [Toboso, 2001, p. 670].

В этом случае изучаются законы поведения индивидуальных экономических агентов – домохозяйств и фирм, а затем происходит отождествление законов коллективного поведения с законами индивидуального поведения. Такой основанный на методологическом индивидуализме “подход к экономическим проблемам посредством изучения определенных агрегированных процессов” [Heilbroner, 1970, p. 21], когда “макроэкономическая динамика получается из простого агрегирования индивидуальных действий” [Дози, 2012, с. 52], а макроэкономическое развитие выводят из поведения микроэкономических единиц [Ackley, 1968, p. 570; Campagna, 1981, p. 5–7], продолжает доминировать в сознании современных ортодоксальных макроэкономистов.

Напомню, что система постулатов ортодоксальной экономики, основанная на принципе методологического индивидуализма, берет начало у А. Маршалла [Marshall, 1890]. С середины XX в. она представляет собой уже согласованный набор постулатов, разделяемый большинством экономистов-неоклассиков. К этому времени принцип “методологического индивидуализма” терминологически был введен в программу экономических исследований Й. Шумпетером, который “дал название тому, что уже и так объединяло неоклассических авторов и отличало их от своих классических предшественников” [Допфер, 2008, с. 112]. Базирующаяся на принципе методологического индивидуализма система постулатов сохраняет свою устойчивость, и пока не сложилось альтернативного сравнимого по популярности и проработанности направления экономического знания, строящегося на иных методологических предпосылках.

Отмеченная устойчивость мировоззренческого ядра, или *hard core*, по М. Лавоие [Lavoie, 1992], ортодоксальной экономической теории, а также явная или неявная приверженность нескольких поколений экономистов принципу методологического индивидуализма объясняет возможности постоянного синтеза предпринимаемых теоретических инноваций с мейнстримом. Так, в свое время Кейнс показал, что рыночная экономика страдает внутренней неустойчивостью и невозможностью установления рыночного равновесия, как в силу неопределенности соотношения сбережений и инвестиций, так и невозможности достижения полной занятости [Кейнс, 2012]. Его выводы о том, что государственные расходы и “социализированные” инвестиции следует рассматривать как эндогенные экономические переменные, представлялись сначала как “кейнсианская революция”. Но впоследствии идеи Кейнса были использованы для уточнения условий рыночного равновесия: Д. Хикс и П. Самуэльсон адаптировали их для неоклассической теории, осуществив так называемый “неоклассический синтез”. То же справедливо в отношении современной поведенческой теории. «При своем появлении на свет она рассматривалась как альтернатива традиционной неоклассической микротeorии и всему западному мейнстриму в целом. Однако в настоящий момент нарождается тенденция включения *behavioral economics* в состав “основного ядра” экономической теории Запада» [Худокормов, 2009, с. 38].

Аналогичная ситуация характеризует неинституциональную теорию, хотя и декларирующую выход за пределы неоклассики, но в значительной степени опирающуюся на ее базовые постулаты и “осталась в рамках ее парадигмы” [Нестеренко, 2002, с. 11]. Как отмечал М. Блауг, “школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки” [Блауг, 1994, с. 958]. О. Уильямсон высказался еще более определенно:

“институциональная экономика инкорпорирована в ортодоксию” [Williamson, 2000, p. 596]. Это фиксируют и российские исследователи (см., например, [Автономов, 2010, с. 175]). Как отмечает О. Ананьин, даже основатель новой институциональной экономики Д. Норт пишет о том, что экономика “отказывается от изучения того *контекста* (курсив мой. – С.К.), в котором делается выбор” [Ананьин, 2013, с. 34] и концентрируется собственно на экономическом поведении, уходя корнями в традиции неоклассики. Поэтому “методологически новая институциональная экономика аналогична неоклассической экономической теории” [Keizer, 2007, p. 5]. Сохраняет свою актуальность давнее замечание Д. Коммонса, что, несмотря на разнообразные теоретические новации, по сути анализируется «экономика максимизации чистого дохода. В последние годы эта теория объединила определенные институциональные факторы... под терминами “несовершенная конкуренция”, “монополистическая конкуренция”, “конкурентная монополия”. Однако даже если их усложнить эволюционными моментами, теория эта по-прежнему останется экономикой максимизации чистого дохода» [Коммонс, 2007, с. 60], базирующейся на принципе методологического индивидуализма.

Очередной “новый неоклассический синтез” зафиксирован совсем недавно [Woodford, 2009]. Отмечается, что в рамках мейнстрима удалось соединить уже не только неоклассическую модель общего рыночного равновесия и кейнсианскую макроэконометрическую стохастическую модель, но дополнить его теориями рациональных ожиданий, реального делового цикла и монетаристской теорией инфляции [Ольсевич, 2013, с. 20–21]. Как и на предыдущих этапах, возможность очередного синтеза обусловлена общностью базовых предпосылок экономистов, объединенных общими идеалами и нормами экономических исследований, сконцентрированных вокруг принципа методологического индивидуализма.

Экономисты, неудовлетворенные возможностями неоклассического анализа, декларируют целесообразность альтернативного принципа – методологического холизма. Речь идет, как полагают его сторонники, о рассмотрении общества как целостной системы, отличающейся от суммы образующих его индивидов. Поскольку ее динамическая целостность обеспечивается структурами действующих в ней институтов, не случайно, что впервые термин *холизм* стал применяться представителями институциональной экономической теории, точнее, традиционного, или оригинального, институционализма (*original institutionalism*). Пионером в использовании термина *холизм* был А. Грочи, употребивший его в 1947 г. (см. [Toboso, 2001, p. 768]).

С тех пор не прекращаются дебаты между сторонниками методологического индивидуализма и методологического холизма о том, какой из принципов более релевантен для экономического анализа. Это показал Ф. Тобозо, ссылаясь прежде всего на работы М. Разерфорда – сторонника методологического холизма и Р. Ланглуа – его теоретического оппонента [Toboso, 2008, p. 5]. Обобщая результаты теоретических дискуссий европейских и североамериканских ученых, он отмечает, что представители новой институциональной теории (продолжающей неоклассику) опираются преимущественно на принцип методологического индивидуализма, в то время как сторонники традиционного институционализма (относимого к гетеродоксной экономике⁴), используют обычно холистический подход. При этом Тобозо обращает внимание на две версии методологического холизма [Toboso, 2001, p. 767–770]. Первая связана с дюркгеймовской позитивной теорией и ее экономическими интерпретациями. Сторонников этой версии объединяет признание того, что действия индивидов могут быть правильно и должным образом объяснены только при рассмотрении их как элементов другого объекта (целого) и позиций, которые они в нем занимают. Поэтому при анализе человеческих действий надо обращать внимание на те *объекты*, частью которых они являются (группы, ассоциации, партии, корпорации, государство и др.), существовавшие

⁴ Противостоящая мейнстриму гетеродоксная экономика включает направления, “не опирающиеся на набор далеких от жизни исходных предпосылок ортодоксии” [Dequech, 2007, p. 295]. Общее для нее – явно или неявно разделяемый “взгляд на социальную реальность как открытую, процессуальную и внутренне взаимосвязанную” [Lawson, 2006, p. 497].

до них и определяющие тот набор ограничений, с которыми индивидам приходится сталкиваться.

Вторая версия методологического холизма связана с признанием наличия коллективного субъекта, обладающего системной силой, в отношении которой трудно определить персональную ответственность. Поэтому при анализе происходящих в экономике изменений необходимо выявлять влияние этих системных “неперсональных” сил. Такая трактовка холизма характерна, на мой взгляд, для экономистов, исследующих феномен общественного интереса, обусловленного наличием общественных потребностей. Анализ данной позиции представлен в недавней работе Рубинштейна, где он приводит следующие классические определения общественных потребностей. Во-первых, им отмечена позиция А. Шэффле, указавшего на наличие общественных потребностей, “которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества”. Во-вторых, приводится высказывание К. Менгера, что “не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития – это общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов, и даже с потребностями всех членов, вместе взятых” [Рубинштейн, 2013, с. 28]. То есть холизм здесь связывается с рассмотрением общества как коллективного субъекта с неперсонифицируемой ответственностью в отношении удовлетворения “общих потребностей”.

Следует отметить, что среди сторонников методологического холизма нет полной ясности по поводу того, что значит объяснение в терминах холистического подхода [Toboso, 2001, p. 760]. По мнению Разерфорда, основные различия связаны с тем, в какой мере ими признается роль и сила социального целого, влияющего на поведение индивидов [Rutherford, 1994]⁵.

Между сторонниками индивидуализма (неоклассиками) и холизма (как правило, гетеродоксами) в современной экономической теории продолжается конкуренция за “истинность” получаемого знания. Ее отражением является критика в адрес представителей экономического мейнстрима, которые, однако, по-прежнему успешно защищают свои позиции. Основные их аргументы – наличие объяснительных математически обоснованных моделей, имеющих практическое применение, в противовес хотя и содержательным, но слабо формализованным схемам понимания экономической реальности у гетеродоксальных экономистов.

Индивидуализм и холизм в социологии

Методологический индивидуализм в социологии, ближе стоящей к философии, чем экономическая наука, отчетливо ассоциируется с гносеологической предпосылкой редукционизма. Он допускает, что социальная реальность описывается и анализируется посредством редукции всей ее сложности до уровня анализа поведения индивида. Активное “предписание” общественным наукам опираться на принцип методологического индивидуализма, образцы которого дал еще Вебер, с середины XX в. мы находим в работах Д. Уоткинса и К. Поппера. Так, Поппер писал, что “задача социальной теории заключается в том, чтобы построить и внимательно анализировать наши социологические модели с дескриптивной или номиналистской точек зрения, то есть с точки зрения индивидов, их взглядов, ожиданий, взаимоотношений и т.д.” [Popper, 1957, p. 130, 136]. С тех пор принцип методологического индивидуализма вошел

⁵ Нельзя не заметить, что при так понимаемом холистическом подходе поведение индивида (а именно – “коллективного индивида”) продолжает оставаться основным предметом экономического анализа. Поэтому более точной версией методологического холизма, по-моему, следует признать так называемый *методологический институционализм*. Он предполагает способ объяснения, который Блауг называл моделированием структур (*pattern modeling*), ибо он основан на объяснении событий и действий посредством указания их места в структуре взаимосвязей, характеризующей экономическую систему как целое (подробнее о принципе методологического институционализма см. [Кирдина, 2013^a, 2013^b, 2013^a]).

в социологические словари и характеризует “теоретические позиции, основанные на том, что адекватные социологические оценки обязательно предполагают обращение к людям, интерпретации ими своих обязательств и причин и поводов для предпринимаемых действий” [Большой... 1999, с. 416].

Несмотря на популярность в социологии методологического индивидуализма, его принципы распространены тут, по сравнению с экономикой, не столь повсеместно. Уже в период становления социологии была осознана недостаточность опоры на этот принцип для понимания закономерностей социальных процессов. Дюркгейм еще в конце XIX в. писал о том, что общество есть реальность *sui generis* (“как она есть”), которая не выводится из свойств действующих в обществе субъектов [Дюркгейм, 1995], что закрепляет за ним первенство в формулировке теоретической предпосылки о “методологическом коллективизме”, или “холизме” [Радаев, 2005, с. 19–20]. Именно Дюркгейму противостоял его современник и теоретический оппонент Вебер, заложивший основы методологического индивидуализма в социологии. С тех пор дискуссия между представителями холистического подхода с требованием “рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям”, и сторонниками методологического индивидуализма “с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов”, не прекращается, и она известна экономистам [Рубинштейн, 2008, с. 16].

На мой взгляд, в современной социологии работы на основе этих двух методологических принципов не находятся в столь явной оппозиции, как в современной экономической теории. Они формируют два не столько противостоящих, сколько дополняющих друг друга кластера исследований, позволяющих с необходимой полнотой отражать свойства наблюдаемой социальной реальности. Опора на тот или иной принцип позволяет исследователям концентрироваться на разных ее сторонах и особенностях. Это проявляется, например, в том, как ученые, работая в одних и тех же предметных областях, по-разному определяют изучаемый предмет. Такая ситуация, в частности, имеет место в российской экономической социологии. Так, Радаев в своем курсе лекций по экономической социологии определил в качестве предмета этой дисциплины изучение социологического, социально-экономического человека [Радаев, 1997, с. 158–159], что вполне соответствует опоре на принцип методологического индивидуализма. В то же время в рамках Новосибирской экономико-социологической школы к предмету экономической социологии относят экономические институты, неизменное институциональное ядро экономической системы [Бессонова, 1998, с. 11], что характерно для холистического подхода в духе дюркгеймовской традиции. В результате современное социологическое знание обогащается вкладом ученых, с разных сторон подходящих к исследованию актуальных российских социально-экономических проблем.

“Синтетические” подходы в общественных науках

Для междисциплинарных исследований формирование общей методологической схемы имеет, как уже было отмечено, решающее значение. Поэтому особое внимание я уделяю рассмотрению и анализу попыток построения разнообразных “синтетических” подходов, снимающих, по мнению их авторов, противоречия и ограничения принципов индивидуализма и холизма. Такие подходы предлагается рассматривать как основу для междисциплинарных проектов с участием социологов и экономистов.

Деятельностно-активистская (интегративная) парадигма в социологии. Долгие годы социологи полагали, что попытки интеграции холистического и индивидуалистского подходов безрезультатны. Как отмечала М. Арчер, работавшие в этом направлении ученые рано или поздно “теряли присутствие духа и спешили укрыться: одни – в стане индивидуализма, другие – холизма” [Арчер, 1999, с. 159]. С одной стороны, она приводит в пример пытавшегося это сделать У. Бакли, который в конце концов отказался от анализа социальных структур как “абстрактных конструкторов”,

оставшись на позициях методологического индивидуализма. С другой стороны, показателен пример П. Блау, который, вопреки задачам взаимосвязанного анализа, наоборот, оказался, по мнению Арчер, в плену холистского подхода. Поэтому она утверждала, что до начала 1980-х гг. в социологии “никому еще не удавалось пройти между Сциллой индивидуализма и Харибдой холизма” [Арчер, 1999, с. 160].

Однако в 1980–1990-е гг. вновь предпринимаются “одиссеевы” попытки социологов в этом направлении, связанные с конструированием “интегративных социологических парадигм” (так их определяли Дж. Ритцер, Дж. Александер, И. Девятко и др.). В. Ядов обозначает такие попытки построения термином “деятельностно-активистская парадигма”. К ее сторонникам, помимо упомянутых авторов, он относит М. Арчер, Э. Гидденса, П. Бурдьё, П. Штомпку, П. Бергера и Т. Лукмана, Р. Бхаскара и др. [Ядов, 1999]. Активистско-деятельностный подход, по мнению ряда исследователей, мог бы стать «метаподходом, соединяющим разные теоретические традиции для анализа взаимодействия “структуры” и “агента”» [Ситнова, 2012, с. 65].

Насколько удалось разработкам в области активистско-деятельностной парадигмы преодолеть альтернативность каждого из исследуемых нами подходов – индивидуалистического и холистического? Можно ли в данном случае действительно говорить о “синтезе микро- и макросоциологических подходов... сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из них” [Рубинштейн, 2012, с. 16]? Полагаю, что внимательное прочтение работ отмеченных выше авторов не дает для этого достаточных оснований. Так, анализируя во многом схожие подходы ученых из Великобритании Гидденса [Giddens, 2001] и Бхаскара [Bhaskar, 1979; 1989; Бхаскар, 1991], методологи социологической науки отмечают следующее. Определение структуры у Гидденса в его структурационной теории лишает структуру ее автономных свойств (тем самым автор “уходит” с позиций методологического холизма), и фокусом его анализа становится рассмотрение действий социальных субъектов. Фактически Гидденс подходит к анализу системы с позиций микросоциологического подхода и базирует свои исследования на привычном для себя принципе методологического индивидуализма.

Аналогичные выводы сделаны и в отношении теоретических построений Бхаскара. С одной стороны, в популярных социологических изданиях и словарях, представленных в Интернете, заявляется, что его “социология отношений совместима и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями” (см., например, enc-dic.com/sociology/Bhaskar--Roj-707.html). Действительно, может показаться, что Бхаскар, например, присоединяется к позиции Дюркгейма [Шкаратан, 2012, с. 19], когда пишет: “Люди не создают общество, поскольку оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности” [Bhaskar, 1989, р. 36]. Но так ли это? Один из важнейших тезисов социологии отношений Бхаскара заключается в том, что социальные структуры “в отличие от природных механизмов... существуют только благодаря деятельности, которой они управляют, и не могут быть охарактеризованы независимо от нее” [Bhaskar, 1989, р. 78]. И хотя “социальные структуры существуют материально, но переносятся из одного пространственно-временного местоположения в другое только благодаря человеческой практике” [Bhaskar, 1979, р. 174]⁶. Но этот вполне разумный тезис означает приговор всей объединительной программе Бхаскара. Т. Бентон пишет в этой связи, что Бхаскар “в своей трактовке социальных структур, в конечном счете, лишает их независимого статуса причиняющих сил, а, следовательно, статуса реальностей *sui generis*. Бхаскар, похоже, привержен одному из вариантов индивидуализма в социальной теории” [Benton, 1981, р. 17]. Поэтому якобы имеющий место синтез двух основополагающих социологических подходов (индивидуализма и холизма) в этих концепциях продолжает оставаться проблематичным [Громов, Мацкевич, Семенов, 1996].

⁶ Здесь его позиция, по сути, совпадает с точкой зрения Гидденса.

В качестве проекта, претендующего на сочетание методологического индивидуализма и методологического холизма, рассматривали также теорию генетического структурализма Бурдьё (см., например, [История... 2000, с. 386–403]). Ключевое понятие концепции Бурдьё – габитус, который включает в себя инкорпорированные, интериоризированные агентами социальные отношения – диспозиции, социальные представления, практические схемы мышления и действия. С одной стороны, габитус производится социальной средой, создавая “систему прочных приобретенных predispositions”, поэтому исторические и социальные условия лимитируют его формирование. С другой стороны, одновременно он – механизм, порождающий практики. Однако, несмотря на эвристическое значение концепции Бурдьё, его аргументация в пользу того, что удалось найти “средний пункт между действием и структурой” [Большой... 1999, с. 67], не признана убедительной в социологическом сообществе.

Как справедливо пишет Г. Терборн, с первых лет своего существования социология пытается объяснить две важнейшие группы феноменов – *человеческое социальное действие и его результаты*. Соответственно, социологи либо выясняют, почему люди действуют именно таким образом в социальных отношениях, либо исследуют совокупность явлений, которые можно обозначить как “результаты” человеческого социального действия [Therborn, 1991]. Поэтому все разнообразие социологических объяснений располагается между двух полюсов и соответствующих им методологических принципов – индивидуализма или холизма. Даже в первом выдающемся “неоклассическом синтезе социологии”, который Терборн связывает с работой Т. Парсонса “Структура социального действия” (1937), великий американский социолог, хотя и установил данную “систему координат”, все же сосредоточил внимание лишь на одной из точек этой системы, а именно, на ценностях и нормах действующих социальных акторов [Терборн, 1999, с. 82]. Можно констатировать, что хотя дискуссии относительно перспектив “синтетических” подходов в социологии продолжаются, достаточно убедительных примеров их построения, по-моему, пока нет.

“Синтетические” подходы в экономике: “институциональный индивидуализм” и “методологический релятивизм”. В экономике также продолжаются дебаты по поводу соотношения индивидуалистского и холистического подходов. Одним из их результатов стало очевидное признание того, что оба подхода не являются достаточно удовлетворительными. В связи с этим декларируется целесообразность некоего третьего пути (*middle way*), но консенсуса и тут до сих пор не достигнуто. Наиболее известной в зарубежной научной литературе попыткой найти третий, “срединный путь” в экономическом анализе прежде всего для изучения институциональных изменений стала формулировка так называемого принципа “институционального индивидуализма”.

Одним из первых о таком подходе, как институциональный индивидуализм (*institutional individualism*), заявил Й. Агасси, указав, что поведение индивидов определяется не только их целями, но и институтами, образующими часть тех обстоятельств, в которых индивиды действуют [Agassi, 1960, p. 247]. Л. Уден отмечает, однако, что в работе 1960 г. Агасси рассматривал институциональный индивидуализм лишь как новую версию методологического индивидуализма [Udehn, 2002, p. 489], от чего позже отказался (см. [Agassi, 1975]). Но Я. Жарви, принявший институциональный индивидуализм Агасси [Jarvie, 1972], продолжал считать его методологическим индивидуализмом [Udehn, 2002, p. 489].

Тем не менее Уден полагает, что существует важное отличие между этими двумя принципами. Так, с позиций методологического индивидуализма социальные институты объясняются как результат поведения людей. При институциональном индивидуализме, напротив, институты выступают в качестве причины объяснения поведения людей. Однако это является характеристикой холистического подхода, поэтому не может быть сведено к принципу методологического индивидуализма. В связи с этим для такого анализа целесообразен новый термин “институциональный индивидуализм”. Уден отмечает, что данной стратегии (наряду с методологическим индивидуализмом) придерживались Дж. Бьюкенен, Р. Коуз, Д. Норт и О. Уильямсон [Udehn, 2002, p. 490].

Дальнейший анализ принципа институционального индивидуализма представлен в работах Тобозо [Toboso, 1995; 2001; 2008]. Он рассматривает его как срединный путь (*middle way*) между методологическим индивидуализмом и холизмом, как способ не-системного и не-редукционистского объяснения. Институциональный индивидуализм, как он полагает, позволяет ввести в экономические теории и модели институциональные аспекты человеческих взаимодействий, происходят ли эти взаимодействия внутри стабильных структур, легальных правил и социальных норм, или они пытаются изменить эти правила и нормы [Toboso, 2001, p. 766].

Особенность подхода Тобозо состоит в том, что для него пропагандируемый им институциональный индивидуализм является не частью *жесткого ядра* базовых предпосылок (*hard core assumptions*), а лишь аналитической программой, способом анализа, как для “традиционных институционалистов” с их холистическим подходом, так и для новых институционалистов с их редукционистским методологическим индивидуализмом: и те и другие могут оставаться в русле основных предпосылок соответствующей школы. Поэтому, например, введение институционального индивидуализма не означает конвергенции традиционного и нового институционализма.

По мнению Тобозо, главная особенность институционального индивидуализма – «объяснение *человеческого поведения* (курсив мой. – С.К.) не как основанного на предпосылках о рациональности, но как “non-calculated behavior”» (Toboso, 2001, p. 671), то есть поведения, определяемого нормами и правилами. Можно сказать, что предлагается использовать не модель *homo economicus*, но модель *homo institutius*. Ссылаясь на Агасси, он поясняет, что подход с позиций институционального индивидуализма предполагает исследование роли социальных и институциональных факторов при изучении человеческих взаимодействий и их последствий. Другими словами, институциональные факторы привлекаются как объясняющие переменные. Тобозо вводит три предпосылки, каждая из которых выступает как “составная часть” подхода институционального индивидуализма [Toboso, 2001, p. 677]:

- только субъекты могут преследовать свои цели и продвигать интересы – эта предпосылка обособляет его от методологического холизма. Она означает, что нет никакого внеперсонального системного фактора, обладающего собственной динамикой. Хотя институты и существуют, но в дискурсивную модель они включаются только при соблюдении (Тобозо пишет “при диктате”) всех трех предпосылок;

- формальные и неформальные наборы институциональных правил, влияющие на взаимодействия между субъектами, являются частью объясняющих переменных – это предпосылка отличает институциональный индивидуализм от методологического индивидуализма;

- существенные институциональные изменения всегда являются результатом независимых или коллективных действий некоторых субъектов и всегда осуществляются внутри широких институциональных рамок.

Следует также отметить указание Тобозо на то, что институциональный индивидуализм как тип объяснения (анализа) чаще используется в прикладных работах, докладах и изданиях, чем в теоретических трудах. Тем не менее он приводит некоторые примеры такого типа анализа в работах традиционных [Schmid, 1987] и новых [North, 1993] институционалистов.

Суммируя взгляды сторонников институционального индивидуализма, можно сказать, что он не предлагается в качестве специфической базовой предпосылки новой теоретической методологии. Взгляд исследователей по-прежнему фокусируется на анализе человеческих взаимодействий и фигуре экономического субъекта, хотя круг условий, оказывающих на них влияние, расширяется за счет включения институтов. Речь идет, по сути, лишь о более мягком варианте принципа методологического индивидуализма, когда микро- и “макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов” [Полтерович, 2011, с. 107], или о его расширенной версии, по-прежнему

сохраняющей *объяснение* общественных явлений в терминах индивидуального поведения.

Задачу формирования экономической методологии с использованием более общих предпосылок, чем опора лишь на принцип методологического индивидуализма, ставит перед собой и Рубинштейн. Он пишет об этом следующим образом: «Оставаясь приверженцем методологического субъективизма и давним критиком “шаблонного методологического индивидуализма”... я исхожу из целесообразности его замены более общим онтологическим принципом, используемым в ряде научных дисциплин, в том числе в лингвистике, социологии и философии. Речь идет о некотором синтезе индивидуализма и холизма – о “методологическом релятивизме”» [Рубинштейн, 2013, с. 5].

Раскрывая содержание методологического релятивизма, Рубинштейн отмечает, что следование этому принципу допускает объяснение поведения индивидуума не только чисто экономическими мотивами, но и “макросоциологическими переменными”. Кроме того, он вводит принцип гетерогенности экономических субъектов, выделяя, по крайней мере, «две основные группы – “индивидуумов”, генерирующих общественный интерес посредством рыночного механизма, и “политиков”, кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии» [Рубинштейн, 2013, с. 5, 28]. Интересы этих групп формируются в различных институциональных средах, они *несводимы* друг к другу и *дополняют* друг друга. При этом интерес политиков, трактуемый как общественный интерес, вслед за Р. Масгрейвом он рассматривает как результат “передачи в политический траст” индивидуальных предпочтений. Голосуя на выборах за того или иного кандидата, индивидуумы вместе со своим голосом передают ему право выражать их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения [Рубинштейн, 2009]. Таким образом, отстаивается принцип комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие группового интереса наряду с индивидуальными интересами членов группы, что связывается с существованием двух, несводимых друг к другу, ветвей формирования общественного интереса: рыночной и политической [Рубинштейн, 2013, с. 39].

Тем не менее пока остается не до конца ясным, каким образом осуществляется синтез принципов индивидуализма и холизма, к которому стремится Рубинштейн. Можно видеть, что, выбирая конкретные способы анализа, он чаще опирается на принцип методологического индивидуализма в его общепринятой трактовке. Так, выделяя политические структуры (генерирующие общественный интерес), например парламент, в качестве объекта исследования, он определяет его «как совокупность “аутентичных советников” крупных и мелких политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей» (Рубинштейн, 2013, с. 36), а не как обезличенные структуры, развивающиеся по собственным законам, что характерно для холистического подхода.

Подытоживая попытки построения экономистами “синтетических подходов”, преодолевающих ограничения методологического индивидуализма, можно видеть, что, как и в социологии, поставленные задачи ими пока еще не решены.

Комплементарность принципов методологического индивидуализма и холизма в междисциплинарных исследованиях

Анализ многолетних дискуссий между сторонниками двух принципиальных подходов и неудовлетворенность результатами их “синтеза” в экономике и социологии позволяет предположить, что в данном случае имеет место комплементарность, дополнительность подходов, базирующихся на принципах индивидуализма и холизма, когда знания об обществе получаются в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их “синтеза”) при проведении конкретного

исследования, что не снимает возможности использования либо того, либо другого при решении разных исследовательских задач.

Действительно, объектом междисциплинарных исследований, проводимых экономистами и социологами, является общественная жизнь с присущей ей двойственностью, выражающейся в том, что социальные структуры, с одной стороны, и социальная деятельность и поведение – с другой, равнозначны. Они дополняют друг друга. Для их анализа исследовательская практика выработала аналитические приемы, опирающиеся, соответственно, на два альтернативных методологических принципа – холизма и индивидуализма.

При этом не следует забывать о категории времени, о временном измерении социально-экономической жизни. Структуры по времени предшествуют социальной деятельности. А если в результате деятельности (у которой есть свои внутренние закономерности) возникает структура, то ею уже определяется последующая деятельность. Структура и деятельность часто или обычно “не синхронны”, а следовательно, как полагает Арчер, аналитический дуализм становится логически необходимым. Аналитический дуализм становится делом “теоретической необходимости, если мы хотим четко зафиксировать процессы, способные объяснить определенные социальные изменения, т.е. если мы хотим развивать полезные социальные теории для работающих исследователей” [Арчер, 1999, с. 190].

Уточнения Арчер в связи с применением разрабатываемого ею морфостатического-морфогенетического подхода и констатацией аналитического дуализма (с одной стороны, структура с необходимостью предшествует по времени действиям, трансформирующим ее, а с другой – разработка структуры с необходимостью оказывается по времени более поздней, чем действия, ее трансформировавшие) обосновывают основания комплементарности методологического индивидуализма и холизма. Они используются на разных стадиях социологического (и экономического) анализа: принцип холизма адекватен при анализе структуры на стадии морфостаза, а принцип индивидуализма – на стадии ее изменения, или морфогенезиса.

Таким образом, исследования, в том числе и междисциплинарные, позволяют получить два не тождественных описания, сделанные с двух разных точек зрения: одно будет включать элементы, отсутствующие в другом, и наоборот. Очевидно, что в рамках одного подхода невозможно более или менее полно объяснить социальные и экономические процессы. Именно поэтому, в частности, макросоциологический дюркгеймовский и микросоциологический веберовский подходы следует считать не противоборствующими, а поддерживающими друг друга. Тем более что в реальной жизни макро- и микроуровни взаимосвязаны. Так, Гидденс отмечает, что “макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях”, и наоборот, “многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов” [Гидденс, 1993, с. 69]. Поэтому их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга [Ритцер, 2002, с. 420].

Классическим примером творческого использования того или иного методологического подхода в зависимости от характера проводимых исследований и научных задач служат различные работы К. Маркса. Многие из них представляют собой пример междисциплинарных экономико-социологических исследований. Не случайно он почитается в пантеоне как великих социологов, так и экономистов, поэтому здесь уместно сослаться на его труды.

Хотя Маркса часто считают сторонником “методологического коллективизма” (вспомним знаменитое утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса, повторенное ими вслед за Л. Фейербахом, о том, что “история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека” [Маркс, Энгельс, 1955, с. 102]). Следуя такому взгляду, в классовой теории Маркс опирается, по сути, на принцип методологического индивидуализма, пусть и с широким привлечением к анализу социальных факторов. Можно вспомнить и одно его положение из “Тезисов о Фейербахе”: “...сущность человека

не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений”, а также то, что написано несколькими абзацами ранее в той же работе: “Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан” [Маркс, Энгельс, 1985, с. 1–2]. Можно заключить, что методологический индивидуализм был одним из методов, на которые Маркс опирался в своих исследованиях.

Есть ряд известных свидетельств, подтверждающих справедливость подобной трактовки. Так, один из представителей аналитического марксизма Д. Элстер утверждает, что основным методом, который использовал Маркс для объяснения социальных явлений, было внимание к непреднамеренным последствиям человеческого действия. В отличие от большинства других марксистов, считающих Маркса “методологическим гением” макроструктур, Элстер полагает, что Маркс практиковал “методологический индивидуализм”, или “доктрину, согласно которой все социальные явления – их структура и их изменения – принципиально объяснимы исключительно с точки зрения индивидов, их качеств, целей, убеждений и действий” [Elster, 1985, p. 5]. Он подчеркивает, что Маркса интересовали акторы, их цели, намерения и их рациональный выбор. Опираясь на теорию рационального выбора, и, как он полагал, развивая подход Маркса, Элстер уделял особое внимание этим рациональным агентам (капиталистам и пролетариату) и их взаимоотношениям. По его словам, “капиталистические предприниматели в самом что ни на есть активном смысле являются агентами. Их роль нельзя свести к простому занятию определенных позиций в капиталистической производственной системе” [Elster, 1985, p. 13].

Другой представитель аналитического марксизма Д. Рёмер также утверждает, что “марксистский анализ требует микрообоснований”, особенно применения теории рационального выбора и теории игр, а также “арсенала разработанных в неоклассической экономике методов моделирования” [Roemer, 1986, p. 192]. Иными словами, теория рационального выбора в марксизме ищет и находит микрообоснования марксистской теории [Ритцер, 2002, с. 204].

В то же время нельзя забыть и того, что Маркс утверждал: “Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого” [Маркс, 1955, с. 119]. Основа человеческой истории определяется теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а результатом деятельности прежних поколений [Маркс, Энгельс, 1968, с. 97]. Эти высказывания концентрируют внимание исследователей на анализе макроструктур и институтов, то есть задают взгляд на общество с позиций холистического подхода. Здесь общество рассматривается как исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянных изменений форм и условий жизнедеятельности в процессе взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, междисциплинарные исследования Маркса дают пример комплементарности используемых методологических предпосылок (индивидуализма и холизма).

* * *

Принципы методологического индивидуализма и холизма достаточно универсальны и используются как в экономической теории, так и в социологии. Исследование показало отсутствие непреодолимой стены между индивидуализмом и холизмом как методологическими принципами исследования. Они отражают различные взгляды на характер функционирования и развития экономических и социальных систем и дополняют друг друга. Как правило, к ним прибегают на разных стадиях экономического

и социологического анализа: принцип холизма адекватен при анализе структуры на стадии морфостаза, а принцип индивидуализма – на стадии ее изменения, или морфогенеза. Как человек меняет очки “для близи” и “для дали” в зависимости от необходимости рассмотреть те или иные явления и предметы, так и ученый в зависимости от своих исследовательских задач опирается на тот или иной корпус исходных предпосылок.

Попытки построения “синтетических” подходов, опирающихся одновременно на методологические принципы индивидуализма и холизма, постоянно предпринимаются и в экономике, и в социологии. Однако удовлетворительных и внутренне непротиворечивых “синтетических” методологических схем, на основе которых можно было бы “развивать полезные социальные теории для работающих исследователей”, пока не создано. Скорее можно предположить длительный период сосуществования рассмотренных принципов как комплементарных, дополняющих друг друга в более полном познании свойств экономики и общества и позволяющих получать знания в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их “синтеза”) при проведении конкретного исследования. Что не снимает возможности использования либо того, либо другого в зависимости от конкретных исследовательских задач.

Независимо от того, на какие принципы опирается исследователь, важнее не противостояние между ними, а “способность к рефлексии второго порядка – связанной с осознанием и осмыслением неизбежных границ и содержательных возможностей собственного подхода” [Радаев, 2008, с. 120]. Принципы методологического индивидуализма и холизма, будучи комплементарными, имеют очевидные перспективы при проведении междисциплинарных исследований в экономике и социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова К.А., Александров Ю.И., Брушлинский А.В. Комплексное изучение человека // Вестник РГНФ. 1996. № 3.
- Автономов В.С. От “экономического империализма” к стремлению к обогащению // Общественные науки и современность. 2010. № 3.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // СОЦИС. 2012. № 8.
- Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М., 2013.
- Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества: фундаментальные проблемы. М., 1999.
- Бессонова О.Э. Институциональная теория хозяйственного развития России. Автореф. дисс... д.с.н. Новосибирск, 1998.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
- Большой толковый социологический словарь (Collins) (1999). Т. 1. М., 1999.
- Бхаскар Р. Общества // Социо-Логос. 1991. Вып. 1 (<http://ru.scribd.com/doc/36464680>).
- Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.
- Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. М., 1996.
- Дози Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. № 12.
- Донфер К. Истоки мезоэкономики // “Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие”. Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, г. Пушкино, Московская область. М., 2008.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск, 1991.
- История теоретической социологии. В 4 т. Т. 4. СПб., 2000.
- Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2012.
- Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М., 2013^a.
- Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013^b. № 10.

- Кирдина С.Г.* Преодолевая ограничения методологического индивидуализма // Журнал экономической теории. 2013^в. № 4.
- Коммонс Дж.* Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского университета. 2007. № 4.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. М., 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. М., 1968.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Святое Семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. М., 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т. Т. 2. М., 1985.
- Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория. М., 2002.
- Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. II, III. М., 2001.
- Ольсевич Ю.Я.* Современный кризис “мейнстрима” в оценках его представителей (предварительный анализ). М., 2013.
- Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2.
- Радаев В.В.* Экономическая социология. М., 2005.
- Радаев В.В.* Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997.
- Радаев В.В.* Экономические империалисты наступают. Что делать социологам? // Общественные науки и современность. 2008. № 6.
- Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002.
- Рубинштейн А.Я.* Меритория и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // Вопросы экономики. 2009. № 11.
- Рубинштейн А.Я.* Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
- Рубинштейн А.Я.* Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии. Научный доклад. М., 2013.
- Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. СПб., 2008.
- Ситнова И.В.* Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход. М., 2012.
- Тамбовцев В.Л.* Перспективы “экономического империализма” // Общественные науки и современность. 2008. № 5.
- Терборн Г.* Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества: фундаментальные проблемы. М., 1999.
- Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003.
- Худокормов А.Г.* Экономическая теория. Новейшие течения Запада. Учеб. пос. М., 2009.
- Шабанова М.А.* Социоэкономика (для экономистов, менеджеров, госслужащих). Учеб. пос. М., 2012.
- Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория. М., 2002.
- Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.
- Ядов В.* Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетних дискуссий социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11.
- Ackley G.* Macroeconomic Theory. New York, 1968.
- Agassi J.* Institutional Individualism // British Journal of Sociology. 1975. Vol. 26. № 2.
- Agassi J.* Methodological Individualism // Modes of Individualism and Collectivism. London, 1960.
- Augsburg T.* Becoming Interdisciplinary // Introduction to Interdisciplinary Studies. Dubuque, 2005.
- Benton T.* Realism and Social Science: Some Comments on Roy Bhaskar’s “The Possibility of Naturalism” // Radical Philosophy. 1981. Vol. 27. Spring.
- Bhaskar R.* The Possibility of Naturalism. New York–London, 1979.
- Bhaskar R.* Reclaiming Reality. London, 1989.
- Campagna A.* Macroeconomics. New York, 1981.
- Dequech D.* Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics // Journal of Post Keynesian Economics. 2007. Vol. 30. № 2.
- Edgeworth F.Y.* Mathematical Psychics. London, 1881.
- Elster J.* Making Sense of Marx. Cambridge, 1985.

- Etzioni A.* The Moral Dimension: Toward a New Economics. New York, 1998.
- Giddens A.* Sociology. Cambridge, 2001.
- Heilbroner R.* Understanding Macroeconomics. New Jersey, 1970.
- Jarvie J.* Concepts and Society. London, 1972.
- Keizer P.* The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition. Working Papers. 07–25. Tjalling C. Koopmans Research Institute – Utrecht School of Economics. Utrecht University. 2007.
- Lavoie M.* Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis. Aldershot–Brookfield, 1992.
- Lawson T.* The Nature of Heterodox Economics // Cambridge Journal of Economics. 2006. Vol. 30. № 4.
- Marshall A.* Principles of Economics. Vol. 1. London, 1890.
- North D.C.* Five Propositions about Institutional Change // Econ WPA. Economic History. № 9309001. 1993.
- Parsons T., Smelser N.* Economy and Society. New York, 1956.
- Popper K.* The Poverty of Historicism. London, 1957.
- Roemer J.* Rational Choice Marxism: Some Issues of Method and Substance // Analytical Marxism. Cambridge, 1986.
- Rutherford M.* Institutions in Economics. Cambridge, 1994.
- Schmid A.A.* Property, Power, and Public Choice. New York, 1987.
- Therborn G.* Cultural Belonging, Structural Location, and Human Action. Explanation in Sociology and in Social Science // Acta Sociologica: Journal of the Scandinavian Sociological Association. 1991. Vol. 34. № 3.
- Toboso F.* Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: the Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // European Journal of Law and Economics. 1995. № 2.
- Toboso F.* Institutional Individualism and Institutional Change: the Search for a *Middle Way* Mode of Explanation // Cambridge Journal of Economics. 2001. Vol. 25. № 6.
- Toboso F.* On Institutional Individualism as a *Middle Way* Mode of Explanation for Approaching Organizational Issues, chapter 10 // Alternative Institutional Structures: Evolution and Impact. London, 2008.
- Udehn L.* The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28.
- Udehn L.* Methodological Individualism: Background, History and Meaning. London, 2001.
- Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 3.
- Woodford M.* Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. № 1.